

ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ СИМБИОЗ БОЕВОГО ОПЫТА,
ОТВАГИ И ЛИТЕРАТУРНОГО МАСТЕРСТВА!

ПОСЛЕДНЯЯ ОБОЙМА

Николай
ПРОКУДИН

майор, кавалер двух орденов Красной Звезды

Александр
ВОЛКОВ

писатель, публицист, драматург

Николай Прокудин
Последняя обойма

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Прокудин Н. Н.

Последняя обойма / Н. Н. Прокудин — «Эксмо», 2019

Такая удача просто ошеломила душманов! Над Панджшерским ущельем им удалось СБИТЬ НАШ МИГ-21. Подобное не раз случалось во время афганской войны, но чтобы пилотом оказался генерал! Редкое везение. Душманы словно с цепи сорвались в поисках катапультировавшегося летчика. Ведь за голову ЗАМЕСТИТЕЛЯ КОМАНДУЮЩЕГО ВВС АРМИЕЙ генерала Андрея Воронова можно получить баснословные деньги...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	11
Глава третья	21
Глава четвертая	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Николай Прокудин, Александр Волков

Последняя обойма

© Прокудин Н.Н., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Глава первая

СССР; Куйбышевская область, город Сызрань СССР; Москва – ДРА; Кабул

Дверь шумно распахнулась, впустив в помещение небольшого цветочного магазинчика волну морозного воздуха.

– Ой, скорее закрывайте! – заволновалась молоденькая продавщица.

Через порог вальяжно переступил начальник патруля – щеголеватый старший лейтенант в начищенных хромовых сапогах и шинели, перетянутой портупеей. Два рядовых патрульных проскользнули следом и остановились у двери.

– Кажется, в ваше благоухающее царство только что проник курсант. Или мне показалось? – криво улыбнулся офицер, отчего тонкие усики над бледными губами разъехались в стороны.

– Курсант? – переспросила девушка, пристроив в угол швабру, которой протирала линолеумный пол. – Нет, курсанты сегодня цветы не покупали. Сегодня же будний день – увольнений нет.

Начальник патруля обвел помещение взглядом. Двадцатиметровый торговый зал был плотно заставлен белыми вместительными вазами, из которых торчали розы различных сортов и расцветок, а также гвоздики, герберы и лилии. В углу имелся закуток для продавца с витриной, стульчиком, столом и кассовым аппаратом.

– В том-то и дело, что увольнений нет, а некоторым юным наглецам на это наплевать, – процедил старлей. Кивнув на дверь, поинтересовался: – А там у вас что?

– Подсобные помещения.

Молодцеватого офицера ответ не устроил.

Продавщице пришлось уточнить:

– Умывальник, туалет и маленький склад с холодильником.

– Можно взглянуть?

– Пожалуйста, – сказала девушка и повела плечиком так, будто от незваных гостей пахнуло чем-то неприятным.

Сделав несколько шагов, офицер открыл дверь и прошелся по короткому коридорчику, поочередно проверяя все смежные с торговым залом помещения. Ни курсанта, ни мокрых следов от его яловых сапог здесь не было.

Возвратившись в зал, начальник патруля вдруг заметил в углу позади продавщицы что-то накрытое стеганым одеялом и куцым женским пальтишком. Это «что-то» очень походило на человека, стоявшего на коленях и приникшего лбом к полу.

– А это что? – остановился старший лейтенант.

Девушка в недоумении оглянулась.

– А-а... это рассада, – вспомнила она. – Несколько дней назад высадили в грунт семена цветов. Теперь до всхода они должны постоянно находиться в тепле.

Потоптавшись, офицер направился к выходу. Рядовые патрульные поспешили за ним.

Девушка с полминуты нарезала большие прямоугольники из прозрачного упаковочного материала. Затем выпорхнула из-за прилавка, приоткрыла входную дверь и осторожно выглянула наружу.

Вернувшись, тронула прикрытую «цветочную рассаду»:

– Они ушли.

«Рассада» зашевелилась. Из-под стеганого одеяла показалась коротко стриженная голова юноши:

– Точно?

– Я только что посмотрела – ушли по улице Чапаева в сторону Крытого рынка.

– Тогда мне нужно возвращаться в училище. Большое спасибо за предоставленное убежище. Если бы не ты...

– Да ладно, чего там, – смутилась девушка, заново укрывая стоявшие у стенки горшки с грунтом.

Она проводила курсанта до двери. Прежде чем исчезнуть в темноте зимнего вечера, он легонько пожал ее прохладную руку и спросил:

– Тебя как зовут?

– Оксана.

– А меня Андрей. Можно я зайду в твой магазин в увольнении?

– Заходи, магазин открыт для всех, – она опустила голову, чтобы молодой человек не заметил, как ее щеки покрылись румянцем.

– До встречи! – И он толкнул дверь.

* * *

Припомнив знакомство со своей будущей супругой, Андрей Воронов не смог сдержать счастливую улыбку. Он сидел в кресле «Ил-62», принадлежавшего Министерству обороны. Самолет летел по маршруту Москва – Кабул, перевозя большую группу офицеров Генерального штаба и ГлавПУРа. Очередная толпа проверяющих. Пару недель они пошатаятся по частям в Кабуле, заработают щеки, прикупят шмотки и вернутся домой, бравирова перед коллегами участием в боевых действиях.

Глянув на проплывавшие за бортом облака, Воронов откинулся на подголовник кресла и, закрыв глаза, опять погрузился в воспоминания...

Как же все складно тогда получилось: самовольная отлучка домой – мама в декабре справляла день рождения, и Андрею не терпелось поздравить ее; неожиданная встреча с патрулем, бегство от него по центральным улицам Саратова; яркая неоновая вывеска цветочного магазинчика, короткий разговор с девушкой-продавщицей...

Да, ее находчивость и милая внешность долго потом не давали покоя молодому курсанту. Едва дождавшись выходных, Воронов получил увольнительную и помчался в магазин, располагавшийся в четырех кварталах от КПП Авиационного училища.

Оксана сразу его узнала, заулыбалась. А он, подождав, пока торговый зал покинет единственный покупатель, подошел и протянул ей коробочку конфет:

– Это тебе.

А часа через полтора, дождавшись окончания рабочего дня, парочка отправилась бродить по улицам вечернего города...

* * *

Три месяца назад Андрей Воронов отметил свое сорокалетие. Сразу за юбилеем последовали экзамены в Академии Генерального штаба и долгожданный выпуск с торжественным присвоением воинского звания высшего офицерского состава – генерал-майор. Тогда же он получил и новое назначение на должность заместителя командующего ВВС 40-й армии.

В глубоком детстве Андрюшка обладал отталкивающей внешностью: угловатая фигура, покрытое веснушками лицо, оттопыренные уши, вздернутый нос. Впрочем, это не мешало ему стать заводилой и главарем уличных хулиганов. К выпускному классу школы фигура Андрея благодаря регулярным занятиям спортом выправилась и стала образцовой, черты лица сгладились, и многие одноклассники с удивлением обнаружили, что за соседней партой сидит настоящий красавчик.

В его внешности действительно присутствовал легкий налет демонизма: гладкая кожа с ровным коричневатым загаром, темные слегка выющиеся волосы, серо-голубые глаза, прямой нос над тонкими губами и завораживающий баритон.

Но было поздно – красавчик перестал нарушать дисциплину, не замечал одноклассниц, взялся за ум и всецело погрузился в подготовку к вступительным экзаменам в Сызранское Высшее военное авиационное училище.

Будучи курсантом, Воронов иногда вспоминал отголоски былой саратовской вольности, однако чем меньше оставалось времени до государственных экзаменов, тем реже его посещало желание одним необдуманным поступком лишиться мечты стать военным летчиком и сломать свое будущее. Так и окончил училище, блестяще сдав экзамены, получил диплом с лейтенантскими погонами и отправился по распределению с молодой женой Оксаной в один из сибирских гарнизонов...

Положенный отпуск, проведенный вместе с семьей, пролетел как одна неделя. И вот уже – проводы на военном аэродроме, слезы Оксаны; напряженное молчание пятнадцатилетнего сына, держащего за руку испуганную и растерянную младшую сестренку; восхождение по трапу, прощальный взмах рукой...

...Детство Андрея прошло в Саратове – в обычной для того времени сталинской пятиэтажке, где семья Вороновых занимала две комнаты в огромной коммунальной квартире. Соседей было несметное количество – в одной небольшой комнатухе порой проживали до шести человек. Многие за прошедшие годы из памяти Андрея стерлось, однако навсегда врезалось главное: простота общения, искренняя взаимовыручка; абсолютное доверие (ключи от соседских комнат всегда висели на гвоздиках слева от входной двери), общий стол с угощениями по праздникам...

Бабушка Андрея во время войны служила в зенитном полку – «слушала самолеты» и охраняла небо прифронтового города от немецких бомбардировщиков. Охранять было что: железнодорожный мост через Волгу, по которому денно и ночно шли на фронт эшелоны с техникой, боеприпасами и пополнением; Саратовский авиационный завод, за время войны выпустивший более тринадцати тысяч истребителей; нефтебаза, крекинг-завод, электроподстанции.

Бабушкина батарея размещалась на возвышенности недалеко от моста; налеты немецкой авиации случались часто и в основном по ночам. О своей службе она рассказывала с юмором. К примеру, о том, как одно время в палаточной столовой совершенно не было продуктов, кроме американского шоколада и безвкусного темно-серого хлеба, испеченного из отрубей. Вспоминала о том, как молодых девчонок учили курить, чтобы те не ощущали постоянного голода. Или о том, как однажды в бане выдали куски мыла с оттисками двуглавого царского орла, и какими роскошными и мягкими после помывки этим мылом стали волосы.

Бабушка и после войны, заслышав летящий в небе самолет, безошибочно определяла: «Двухмоторный, пошел на запад». Маленький Андрей тотчас выбегал на балкон и с удивлением убеждался в ее правоте.

Дед Андрея вернулся домой лишь через полтора года после окончания войны. На его теле осталось несколько кривых шрамов, но об этом он рассказывал мало и неохотно. Семья знала, что он летал на истребителе, был сбит и изо всех сил тянул на горящей машине к линии фронта. Недотянул. Несколько месяцев провел в плену, пока не удалось бежать. Около года воевал в партизанском отряде, потом вернулся в строй и снова летал на истребителе. Совершил триста пятьдесят боевых вылетов, провел восемьдесят воздушных боев, лично сбил четырнадцать фашистов и три – в группе. Его парадный офицерский китель украшали семь боевых орденов.

Народу тогда хватало всякого, по соседству с семьей Вороновых жили не только герои и ветераны Великой Отечественной войны. В ближайшей булочной работала продавщицей сморщенная старушка, жившая на первом этаже сталинского дома. Толстые линзы в роговой оправе,

седые кудряшки из-под клетчатого платка и неизменная телогрейка в холодную пору. Все от мала до велика знали, что служила она у немцев в полицейской команде где-то в районном центре юго-западнее Сталинграда. Положенный срок после войны до конца не отсидела – лагеря были заменены принудительной работой. Так и попала в Саратов. Народ ее сторонился, заговаривать избегал. Впрочем, и она особо не стремилась к общению: изредка в выходной день сидела во дворе на лавочке под сиренью и задумчиво глядела куда-то вдаль.

Двумя этажами выше проживала еще одна странная семейка. Тетя Саша – худая болезненная женщина с печальной улыбкой на бледном лице – всю войну партизанила в белорусских лесах. Была санитаркой, участвовала в рейдах по немецким тылам. Смеясь, рассказывала, какой талантливый в их отряде служил фельдшер: абортс делал прямо на широком пне у костерка. Довелось и Саше лечь под его скальпель, правда, по причине обычного аппендицита. Операция прошла успешно, если не считать огромного разреза, сделанного из-за отсутствия условий. А позже начались проблемы: не успел шов зажить, как отряду пришлось спешно уходить от карателей. На подводах везли провизию, боеприпасы, раненых и детвору. Топали полсотни верст пешком. Топала и Саша, поддерживая руками перетянутый платком живот, чтоб «кишки не выпали наружу». Так и воевала с крепким бандажом до полного освобождения Белоруссии.

А ее муженек – сухощавый неразговорчивый по имени Миша и по прозвищу Сморчок – сам себе прострелил правую ладонь на охоте в первую неделю войны. Поговаривали, этот прием был распространен среди молодых мужчин, не желавших идти на фронт. Такие умники встречались всегда, во всех странах, независимо от национальности.

За подобные выходки серьезно наказывали, однако и здесь Миша каким-то образом вышел сухим из воды. Жильцы сталинского дома откровенно недолюбливали Сморчка, никогда с ним не здоровались и не переставали удивляться загадочному факту: что могло объединить героическую белорусскую санитарку и трусоватого «самострела»?..

Наконец, на втором этаже первого подъезда жил герой-танкист Иван Варламович – старшина запаса, кавалер двух орденов Славы. Без обеих ног, контуженый, весь наспигованный осколками, но не теряющий оптимизма и страстно желающий прожить под мирным голубым небом до ста лет. Варламышу (так уважительно называли его соседи) было чрезвычайно трудно спускаться на деревянной каталке по ступеням лестницы, и мужики соорудили ему специальный металлический поручень вдоль стены подъезда. Это простое приспособление круто изменило жизнь инвалида. Он стал ежедневно спускаться во двор, гонял в ближайший магазин, в городской парк «Липки» и даже на набережную Волги, где пристрастился рыбачить с деревянных мостков. Варламыш умер одним из первых, не прожив под мирным небом и десяти лет. А оставшимся после него поручнем стали пользоваться дети, полагая, что тот сделан именно для них.

* * *

Изменившийся режим работы двигателей вырвал Воронова из неглубокого сна. В начале полета в голову лезли разные мысли и воспоминания – он никак не мог заснуть. А едва самолет перемахнул границу, как сознание выключилось...

Глянув в иллюминатор, Андрей вздохнул:

– Афган...

Под плоскостями лайнера до самого горизонта раскинулся однообразный пересеченный рельеф с желтовато-коричневыми горными цепями и темными прожилками ущелий.

В общей сложности Воронов провел в этой стране более двух с половиной лет. Сначала прибыл в должности заместителя командира эскадрильи и вдоволь хлебнул нелегкой боевой работы: перехватывал шедшие из Пакистана караваны с оружием, сопровождал колонны

наших войск, летал на разведку и свободную охоту. Быстро дорос до заместителя командира полка по летной подготовке и был направлен на учебу в Академию имени Гагарина. Окончив ее, снова получил направление в Афганистан командовать полком. И вот теперь, после Академии Генерального штаба, новое назначение. Заместителем командующего ВВС 40-й армии.

Если следовать документам, то поначалу авиация в этом прославленном соединении была представлена 34-м смешанным авиационным корпусом, сформированным осенью 1979 года в Краснознаменном Туркестанском Военном округе на базе местных частей ВВС. Трудно представить, но первоначально в его состав вошло всего шесть эскадрилий, и на январь 1980 года имелось пятьдесят четыре самолета и двадцать вертолетов. Ровно через год самолетов стало восемьдесят девять, а вертолетов больше сотни. Это уже была серьезная сила. Ну, а весной восьмидесятого с началом активных боевых действий возникла необходимость еще более увеличить авиационную группировку, в связи с чем корпус был переформирован в ВВС 40-й армии.

Самолет приступил к развороту, и Андрей зажмурился от полоснувшего по глазам яркого солнечного света. Надвинув на иллюминатор шторку, он улыбнулся, представив скорую встречу с боевыми товарищами.

Когда он оставил Отдельный вертолетный полк и отбыл в академию, его должность занял друг и однокашник Лешка Максимов. С Лешкой они дружили давно и крепко – едва ли не с момента поступления в Сызранское авиационное училище. Так получилось, что и после его окончания друзья регулярно распределялись в одни и те же гарнизоны. Все совпадало, кроме одного: Воронов постоянно шел на шаг впереди Максимова. Первым пересел из операторского кресла в командирское, первым возглавил звено, затем эскадрилью и полк. Кстати, и семьей обзавелся тоже первым.

Лешка и поныне командовал Отдельным полком, летая на всех типах вертолетов, которые эксплуатировались в четырех боевых и транспортно-боевых эскадрильях. Но Воронов и тут сумел обойти своего друга, успев помимо «вертушек» освоить четыре типа самолетов.

– Скоро здесь начнется зима, – негромко проговорил Андрей, рассматривая глубокие складки местности к востоку от аэродрома Кабула.

* * *

К остановившемуся на бетонке самолету подъехал трап, а следом и несколько автомобилей: два «уазика», почтовая «буханка», автобус и пара грузовиков; от технических домиков потянулся инженерно-технический состав. А пассажиры самолета тем временем подхватывали вещички и неспешно продвигались к выходу.

Воронов не торопился, намереваясь покинуть салон одним из последних: с командой инспектирующих ему не по пути. Однако столпившихся в проходе между кресел военнослужащих внезапно растолкал плечистый нахальный командир экипажа.

– Товарищ генерал, РП просил передать, что за вами прибыла машина командующего ВВС, – доложил он.

– Понял. Спасибо, – поднялся Воронов.

Плотная стена из штабных офицеров дала трещину, позволив молодому генералу беспрепятственно пройти к открывшейся двери.

Глава вторая

ДРА; Кабул – Хост

Спустя тридцать минут «уазик» командующего лихо подкатил к штабу 40-й армии и тормознул точно напротив входа. Подхватив объемную сумку с личными вещами, Воронов вошел в прохладный полумрак. Оставив свой багаж у дежурного по штабу, постучал в дверь с табличкой «Командующий ВВС».

– Товарищ генерал-лейтенант, генерал-майор Воронов прибыл для дальнейшего прохождения службы, – переступив порог кабинета, ровным голосом доложил Андрей.

Кабинет был огромным, вероятно совмещал в себе рабочее помещение командующего, комнату отдыха, зал совещаний, лобное место и еще бог знает что. Параллельно ряду окон стоял длинный стол для подчиненных, одним торцом граничивший с полированным начальственным столом. Позади на стенке висел большой портрет генерального секретаря. Под ним сидел генерал-лейтенант авиации Филатов Леонид Егорович. Старый опытный вояка, послужным списком которого штабисты пугали молодых лейтенантов. Филатов был крепко сбит, высок и громогласен. Дипломатии чурался, рубил в глаза правду-матку, за провинности наказывал строго, но справедливо.

Выслушав доклад, он отложил авторучку, поднял голову и пристально поглядел на вошедшего офицера. Во взгляде читалась неприязнь.

«С чего бы? – подумал Андрей. – Накосячить еще не успел. Не выскочка, не из блатных, в родне – ни одного штабного. И раньше с Филатовым никогда не пересекались. Странно...»

– Присаживайтесь, – пробурчал генерал-лейтенант.

Новый заместитель устроился за длинным столом; рядом на стул поставил тонкий кожаный портфель, недавно подаренный супругой.

Командующий ВВС недовольно пожевал губами, снял очки в тонкой металлической оправе и сухо произнес:

– Я ознакомился с вашим личным делом. И, к сожалению, сделал выводы отнюдь не в вашу пользу.

– Могу узнать почему? – вскинул брови Андрей и невольно покосился на генсека. Тот тоже смотрел с портрета с подозрением и недовольством.

Воронов и впрямь был удивлен подобным заявлением, ибо с момента получения лейтенантских погон не имел ни одного взыскания. Все обстояло прекрасно и с боевой подготовкой, и с воинской дисциплиной, и даже с пресловутой морально-политической составляющей.

– Насколько я понял, вы совершенно не жалуете штабную работу, – пояснил причину новый шеф. – Вместо взаимодействия с разведкой и оперативным отделом вы предпочитаете прохлаждаться на аэродроме. Верно?

– Почему же прохлаждаться? – попробовал возразить Андрей. – Скорее, работать и готовить смену.

– Можно подумать, кроме вас, некому подготовить молодежь. К чему эти ваши регулярные полеты? До сих пор не налетались? Вот скажите, к примеру, зачем во время последней стажировки вам понадобилось осваивать штурмовик «Су-25»? Вы же вертолетчик!

– Товарищ генерал, я готовился командовать большим авиационным соединением, в котором помимо вертолетов будут и самолеты различного назначения. Чтобы грамотно командовать, нужно знать авиационную технику и желательно уметь на ней летать. Вы же сами прекрасно об этом знаете.

– Демагогия, Андрей Николаевич. Сушая демагогия.

Воронов ненавидел слово «демагогия». Обычно оппоненты в спорах прикрывались им в тот момент, когда заканчивались относительно разумные аргументы и попросту нечем было возразить.

В общем, разговор не клеился. И причин тому имелось целых две.

Во-первых, внешне Воронов совершенно не походил на заместителя командующего ВВС армии. Молодцеватый, подтянутый; седина только начинала пробиваться на висках, но из-за короткой стрижки разглядеть ее было невозможно. Андрей не курил, алкоголем никогда не злоупотреблял, фигуру благодаря регулярным занятиям спортом имел атлетическую.

Второй причиной являлся возраст. Если бы не генеральский мундир с академическим ромбиком и орденскими планками – никто бы не дал ему сорока лет. Одним словом, мальчишка против матерого Филатова, которому скоро должно было стукнуть шестьдесят.

* * *

Первые две недели пребывания Воронова в новой должности получились суетными и трудными. Они совершенно не походили на те времена, когда он поднимал в воздух на боевые операции эскадрилью или полк. Тогда все было проще и яснее, а теперь на его плечи давила громадная ответственность за тысячи подчиненных.

Сначала он безвылазно торчал в своем кабинете, находившемся в левом крыле штаба армии – разбирал бумаги и вникал в задумки, которые не успел завершить предшественник. Новая «богадельня», как окрестил свою рабочую зону Андрей, ничем не отличалась от кабинета командующего ВВС, разве что имела меньшую площадь, а висевший над головой портрет генсека был поскромнее и выцвел от яркого солнца.

Всего через авиационное соединение 40-й армии в порядке ротации поэтапно прошло большое количество авиационных частей и подразделений. Среди них – одиннадцать истребительных полков, отдельный разведывательный авиационный полк, штурмовой авиационный полк, отдельный смешанный авиационный полк, семь истребительно-бомбардировочных полков, четыре вертолетных полка, девять тяжелых бомбардировочных полков и более десятка отдельных авиационных эскадрилий. На момент вступления в должность Воронова ВВС армии насчитывали пять полков, две отдельные эскадрильи, а также многочисленные части авиационно-технического и аэродромного обеспечения. По приказу Филатова все это огромное хозяйство Андрею пришлось инспектировать, знакомясь с командным составом, а заодно проверять состояние материальной части и боевую подготовку.

Ну, а после ознакомления с «хозяйством» началась будничная штабная работа...

Сразу после ввода 40-й армии в Афганистан ее первым командующим была внедрена практика проведения ежедневных совещаний, начинавшихся в семь часов утра. Сохранилась данная практика надолго, ибо во время совещаний тщательно анализировалась обстановка, уточнялись задачи воинским частям на предстоящие сутки. Вернее, на день и на всю последующую ночь, так как боевики активизировались именно с наступлением темноты.

В силу своих новых обязанностей на каждом совещании присутствовал и Воронцов. А после его окончания запрыгивал либо в транспортный вертолет, либо в машину и мчался для инспекции в очередную авиационную часть.

Через две недели подобного графика он почувствовал такую жуткую усталость, что едва не уснул на ближайшем совещании. «Все, пора встряхнуться, развеять мозги и размять суставы», – решил он про себя, незаметно глянув на часы.

* * *

Ровно через час Андрей был на ближайшем аэродроме, где размещался штурмовой авиационный полк. Встряска, которую он задумал, заключалась в самостоятельном вылете на разведку на новеньком «Су-25». Воронов обожал небо и всегда летал с удовольствием на любой технике, включая истребители, штурмовики и, конечно же, родные «вертушки». Полеты бодрили лучше любого кофе, восстанавливали силы, отвлекали от мрачных мыслей. В общем, помогали прийти в себя.

О необходимости разведывательного вылета в район высоты «3234» над дорогой в город Хост как раз говорили на только что прошедшем совещании в штабе армии. Коли есть задача, значит, ее нужно выполнять. Ну, а кто полетит на разведку – дело третье. Это уже никого не касается.

Обойдя машину, Андрей произвел предполетный осмотр. Техник самолета не отставал, выдерживая почтительную дистанцию в два-три шага.

- Боеприпасы в норме? – не оборачиваясь, спросил генерал.
- Так точно – под завязку.
- Когда в последний раз летала машина?
- Позавчера. Командир эскадрильи облетывал по кругу после регламента.
- Замечания были?
- Никак нет.
- Ясно. Поехали...

Техник придержал короткую лесенку, по которой летчик забрался в кабину, затем поднялся по ней сам, помог застегнуть лямки подвесной парашютной системы и закрыл на замки откидную часть фонаря.

Загудел генератором стоявший у левого крыла специальный автомобиль. У штурмовика ожил один двигатель, другой. Во время их запуска и проверки оборудования техник поддерживал связь с летчиком при помощи специального переговорного устройства.

Наконец, самолет плавно тронулся с места и, следуя точно по разметке, покатыл к предварительному старту...

* * *

Афгано-пакистанская граница подкидывала один неприятный сюрприз за другим. Командование ограниченного контингента советских войск пыталось держать ее под контролем, однако сложнейший рельеф местности и огромная протяженность изломанной линии, превышавшая две тысячи шестьсот километров, не позволяли сделать это уверенно. Едва ли не каждый день трудившиеся над картами сотрудники оперативного отдела штаба армии рисовали в приграничных квадратах красный пунктир и стрелки, обозначающие шедшие из Пакистана караваны или прорывавшиеся с боями банды боевиков.

Не отличался спокойствием и район вокруг высоты «3234», находившийся в зоне ответственности 345-го гвардейского отдельного парашютно-десантного полка. Десантники неплохо сдерживали противника на вверенном рубеже, однако из-за нехватки личного состава не всегда своевременно получали разведданные о перемещениях противника. Для решения данной задачи и отправился в полет генерал Воронов.

* * *

Денек выдался ясным, солнечным. Прозрачный сухой воздух позволял фиксировать наземные ориентиры на дистанции до пятидесяти километров. Впрочем, для жаркого и засушливого местного климата такая погода не была редкостью.

Мягко контролируя ручку управления, Андрей улыбнулся, пытаясь припомнить, когда в последний раз видел в афганском небе облака или ощущал приятные капли дождя.

Набрав над аэродромом безопасную высоту, он запросил у руководителя полетов отход от точки. Получив разрешение, отвернул на нужный курс, включил секундомер и поправил светофильтр на защитном шлеме, чтоб прикрыть глаза от светившего солнца.

До района, в котором требовалось провести разведку, предстояло плестись на крейсерской скорости чуть менее пятнадцати минут. Далее следовало снизиться и пройти вдоль дороги, ведущей в город Хост. Желательно дважды и в разных направлениях, чтобы установленная на самолете фотоаппаратура зафиксировала более широкую полосу местности.

– Пятнадцать минут абсолютной свободы, – прошептал Андрей, с удовольствием оглядывая слегка размытую линию горизонта. – Ни совещаний, ни писанины, ни нудных проверок. Красота...

Он любил находиться в кабине самолета или вертолета, любовно поглаживая ручку управления и поглядывая на приборы, любил больше, чем наземную суету, мало связанную с летной работой.

Здесь, «за речкой», из-за боевых действий все обстояло иначе: бестолковая рутина была сведена к минимуму. Зато в Союзе в авиационных гарнизонах летному составу приходилось заниматься черт-те чем. Если позволяли метеоусловия, то, как правило, выполняли две летные смены в неделю – чисто дневную и смешанную. Еще два рабочих дня уходило на предварительную подготовку к полетам; для молодежи эта подготовка была необходима как воздух, а опытные летчики и штурманы со скучающим видом в тысячный раз повторяли меры безопасности, действия при отказах техники, способы ведения ориентировки... Все остальное время, за исключением воскресенья, командование гоняло летный и технический составы по различным мероприятиям. Дабы не затосковали и не начали пить, им читали лекции замполиты и заезжие корреспонденты военных изданий. Их гоняли на аэродром для проведения паркового дня или для выщипывания травы, пробившейся между бетонных плит рулежных дорожек. Им устраивали муштру при полном параде и строевые смотры. Их заставляли мести дорожки в гарнизоне или днями напролет сидеть в душных классах на командирской подготовке.

Андрей сравнил местность с полетной картой, затем глянул на часы. До района ведения разведки оставалось около трех минут. С тех пор как душманы начали получать ПЗРК «Стингер», полеты до заданных точек и районов выполнялись на большой высоте. Вот и сейчас Воронов плавно перевел РУДы на малый газ, приступив к снижению до рабочей высоты.

«Дорога», – вскоре заметил он мелькнувшую впереди тонкую ленточку. Она извивалась между горных цепей с запада на восток; в двадцати километрах от Пакистана она поворачивала к северу и относительно прямой линией тянулась вдоль левого берега узкой речушки.

К началу плавного изгиба серо-коричневого русла штурмовик занял необходимую высоту. Воронов установил скорость, подкорректировал курс и, щелкнув тумблером, приготовил к работе две бортовые фотокамеры.

* * *

Первый проход вдоль тридцатикилометрового участка дороги Андрей выполнил южнее реки, фотографируя равнинную часть ее поймы, ширина которой достигала пятнадцати кило-

метров. Вплотную к реке зеленели обработанные и засеянные поля, тут и там встречались селения и отдельно стоящие домишки простых дехкан. Южнее местность представляла собой выжженную солнцем равнину, тянувшуюся до пограничных с Пакистаном хребтов.

Дойдя до города Хост, Воронов выполнил разворот на сто восемьдесят градусов и пошел обратным курсом, фиксируя на пленку гористый левый берег. Под хребтами проходила основная дорога, соединявшая Хост с центральными и западными провинциями.

Дорога пустовала. За редкими автомобилями тянулся длинный шлейф пыли. Гораздо чаще под плоскостями самолета мелькали гужевые повозки или небольшие группы пеших путников. Левее дороги тянулся северный берег реки – такой же пестрый из-за домишек и прямоугольников засеянных полей. Правее маршрута полета рельеф повышался, превращаясь из равнинного в горный.

Перемахнув очередное ущелье, Андрей двинул ручкой управления. Самолет-разведчик послушно подвернул в сторону крутого дорожного излома. Миновав его, пилот намеревался закончить съемку района и приступить к набору высоты.

В последний раз осмотрев местность с относительно небольшой высоты, Воронов выключил фотоаппаратуру, потянул ручку на себя и вздохнул: «В этом полете обнаружить противника не получилось...»

Буквально через мгновение он резко положил машину на бок, вывел двигатели на взлетный режим и, заложив крутой вираж, ушел от длинной, тянувшейся от склона хребта, оранжевой трассы.

Ушел. Спасло, что за секунду до этого Андрей приступил к набору высоты. Оставаясь он на прежнем эшелоне – несколько пуль, выпущенных из крупнокалиберного пулемета, наверняка достигли бы цели.

Выполняя противозенитный маневр, Воронов успел заметить точку, из которой исходили огненные всполохи. Закончив полный вираж, он отыскал на склоне это место, поймал его в перекрестье прицела и выпустил несколько неуправляемых ракет. Через мгновение склон скрылся из виду за облаками пыли и дыма.

Андрей доложил о выполнении задания, об уничтожении пулеметной точки и развернулся в сторону базы...

* * *

Ближайшее совещание у командующего началось не как обычно – с доклада начальника разведки армии, а сразу с выступления начальника штаба. Случилось это потому, что вернувшийся на базу самолет-разведчик добыл очень ценные сведения.

– ...А вот на этой увеличенной фотографии отчетливо видно, как два боевика транспортируют пусковые устройства «ПЗРК FIM-92 «Стингер». И как минимум четыре моджахеда несут контейнеры с ракетами для них, – увлеченно докладывал начальник штаба ВВС армии генерал-майор Афанасьев. – А вот здесь, – указал он на следующий снимок, – если дать максимальное увеличение, можно рассмотреть снятый со станка крупнокалиберный пулемет. Судя по характерному дульному тормозу, это «ДШК», скорее всего произведенный компанией Pakistan Ordnance Factories под индексом «Тип 54»...

Стоя у огромной карты, Афанасьев периодически поворачивался к висящим рядом свежим фотографиям и с жаром объяснял офицерам штаба авиации запечатленные на снимках детали. По всему выходило, что разведчик слетал в опасный приграничный район не зря. На каждом из отобранных фото виднелись длинные цепочки людей и мулов, идущих вдоль пологих горных склонов.

– ...Таким образом, товарищ командующий, предоставленные разведчиком данные еще раз подтверждают интенсивное передвижение банд и разрозненных вооруженных групп от пакистанской границы в глубь афганской территории, – закончил доклад Афанасьев.

Дослушав подчиненного, командарм удовлетворенно кивнул, бросил на стол карандаш и поднялся. Тяжелой походкой он прошелся вдоль длинного стола, остановился у висящих рядом с картой фотографий и, поправив очки, еще раз внимательно просмотрел каждую. Присутствующие на совещании подчиненные молча ждали. Ждал и сидевший в числе других заместителей командующего ВВС генерал Воронов.

– Хорошая работа, – наконец оценил командарм. И перешел к делу, ради которого собрал расширенное совещание: – Что ж, кое-что проясняется. Думаю, пора приоткрыть завесу секретности и прояснить ситуацию, ради которой мы по крупинке собираем информацию о положении дел в ущелье.

После этих слов обстановка в кабинете переменилась: у тех, кто незаметно зевал, сонливость моментально исчезла, сидевшие в первых рядах оживленно закрутили головами.

– В Министерстве обороны принято решение провести штурм ущелья и уничтожить засевших там моджахедов, – продолжил командующий. – Может возникнуть вопрос: почему принято такое решение? Ведь между нами и Масудом заключено перемирие. Объясняю. Во-первых, отряды Ахмад Шах Масуда систематически это перемирие нарушают, нападая на транспортные колонны. Во-вторых, Масуд и его люди стали избегать контактов с нашей разведкой. Все это красноречиво говорит о том, что предыдущие договоренности соблюдаться ими более не будут. Из этого следует, что штабу армии надлежит в кратчайший срок разработать план наступательной операции в Панджшерском ущелье, куда стекаются разрозненные банды, столь удачно сфотографированные аппаратурой самолета-разведчика. Итак, приказываю: начальнику штаба и заместителям...

Названные должностные лица дружно поднялись.

– ...приступить к разработке операции; о ходе планирования операции докладывать мне дважды в сутки. И последнее, – взгляд командующего остановился на Филатове. – Не могу не оценить отменную выучку и мастерство пилота, слетавшего на разведку в район города Хост. По докладу начальника штаба, он, к тому же завершив задание, умудрился уничтожить огневую точку. За такую работу не мешает представить к награде. Как, кстати, фамилия летчика?

Филатов замялся и сурово посмотрел на своего заместителя.

– Генерал Воронов – доложите...

Андрей проглотил вставший в горле ком и резко выпрямился, вытянувшись в струнку...

Что ответить? Летал самовольно – командующего ВВС в известность не поставил. Но для него это был обычный, ничем не выдающийся полет. Да и отправился он на разведку скорее от скуки, чтоб проветрить распухшую от совещаний и бумаг голову. А тут на тебе: отменная выучка, мастерство, награда...

– Я выясню его фамилию, товарищ командующий, – выдавил он.

Командарм вскинул седые кустистые брови:

– Вы не знаете, кто выполнил этот полет?!

Внезапно в разговор вмешался давний знакомый Андрея – член военного совета генерал-майор авиации Чесноков.

– Товарищ Воронов у нас скромный, – с плохо скрываемой издевкой произнес он. – Он сам и летал на разведку.

– Вы сами? – удивленно переспросил командующий.

Воронов вздохнул.

– Так точно.

– Мальчишество какое-то!

Под суровым взглядом командарма Воронов слегка побледнел.

Пару секунд подумав, командарм распорядился:

– Все свободны. А вас, Леонид Егорович, и вас, Андрей Николаевич, попрошу задержаться...

* * *

– ...Ничего особенного, кроме одной детали, – сидя за столом, улыбался Лешка Максимов.

– Колись, что за деталь, – разлил по стаканам водку Андрей.

– Хорошая деталь. Нужная. Представляешь, я наконец-то разошелся с Любкой.

– Ты?! Разошелся с Любой?!

– Ну да. А что в этом удивительного? Ты же знаешь, как мы с ней жили...

Жили они действительно странно. Служба Алексея проходила на глазах Воронова за исключением нескольких лет, проведенных в военных академиях. Посему практически обо всех нюансах семейной жизни товарища Андрей имел представление. В частности, знал о том, насколько счастливыми и теплыми были отношения супругов в первые годы после свадьбы: стихи, цветы, объятия, прогулки под луной. Видел и то, как эти отношения постепенно охладевали, а семейная жизнь превращалась в ад.

Лет через семь-восемь – когда друзья-однокашники стали старшими офицерами – Лешка впервые серьезно задумался о разводе. Мрачный и молчаливый, с потемневшим лицом он нехотя возвращался с полетов домой. И чем ближе подходил к своей панельной пятиэтажке, тем медленнее и короче становились его шаги. И все потому, что дома находилась Любка. Сидела, развалившись на диване, и ничего не делала. Спала до десяти утра, потом красила ногти, часами просиживала у зеркала, смотрела телевизор или читала взятые у подруг книжки. При этом исправно тратила зарплату мужа, да еще ворчала и вечно была чем-то недовольна.

А что же Лешка? Тогда он был типичным слабовольным подкаблучником: ходил полуголодным в плохо отглаженном мундире, с заветной мечтой придушить свою бывшую возлюбленную.

– Как же ты решился уйти от Любки? – проглотив водку, спросил Воронов.

Товарищ последовал его примеру: выпил, стукнул о стол доньшком стакана, закусил. И, поморщившись, принялся рассказывать:

– Не поверишь, Андрюха, – случай помог. Ей-богу!..

Воронов сидел напротив друга, слушал, подливал из бутылки в стаканы и незаметно вздыхал...

Утром после окончания совещания он по приказу командующего ВВС задержался в его кабинете. И получил форменный разнос. «Какого черта самовольничаешь?!» «Зачем рисковал жизнью?!» «Здесь и без тебя хватает классных летчиков!..» И это еще были самые ласковые выражения, слетавшие с уст седого командующего. Остальные Андрей предпочитал не вспоминать. Рандеву закончилось взысканием. «На первый раз объявляю вам выговор, товарищ Воронов, – чуть поостыл под конец Филатов. – И впредь запомните: каждый свой вылет вы должны лично согласовывать со мной. Понятно?»

...«Понятно», – снова вздохнул молодой генерал и поднял стакан.

...После разноса он позвонил своему однокашнику, командовавшему вертолетным полком, и напросился к нему в гости.

«Конечно, приезжай! – радостно прокричал тот в микрофон рации. – Сто лет нормально не сидели!»

Полк располагался неподалеку, и уже через тридцать минут Воронов тискал в дружеских объятиях полковника Максимова. Лешкин кабинет в штабе полка вообще напоминал кладовку с маленьким письменным столом, облезлым холодильником «Саратов-2», пятью скрипучими

стульями, двумя книжными шкафами и скатанным в валик матрасом в углу. Вместо полноценного портрета генерального секретаря на стене висела засиженная мухами открытка. Но благодаря плотным шторам на окне и приятной прохладе, пилося и вспоминалось здесь отлично.

Алексей прервал рассказ о разрушенной семейной жизни. Друзья выпили, закусили, помолчали под мерное урчание кондиционера.

– Ты чего сегодня такой смурной? – заметил Лешка неладное в поведении товарища.

– Не обращай внимания. Рассказывай дальше.

– А что дальше?.. После того как Любка выставила меня за дверь, сижу на лестничной клетке и думаю, что делать. Состояние хреновое – хоть стреляйся. Вдруг гляжу, по лестнице инженер полка поднимается – майор Петровский. Помнишь такого?

– Конечно. Молчаливый такой, спокойный.

– Точно. Несмотря на то что мы были соседями, я его не особо знал – здоровался только при встрече. А тут он быстро смекнул, в чем дело, и к себе пригласил. Я и вякнуть не успел, как он стол накрыл и запотевшую бутылку посерединке поставил. Выпили, познакомились, разговорились... Отличный мужик оказался, между прочим! Семья его на тот момент у тещи гостила, вот мы и оторвались по полной.

– Постой, Леха. Ты же говорил о каком-то счастливом случае.

– Верно, говорил. Случай свел меня с Петровским. А тот каким-то неведомым образом раскрыл мне глаза на жизнь мою непутевую. В общем, после долгого застолья я, шатаюсь и опираясь о стены, отправился домой. Попинав дверь, услышал в коридоре возню. Открыла заспанная Любка – злая и готовая броситься в драку. Но я успел первым. Наотмашь. С правой. Утром просыпаюсь – башка трещит с похмелья, ничего не помню. Собрался, ушел на службу. А вечером не узнал ни квартиру, ни жену. Все чисто, бельешко сохнет постиранное, пахнет только что сваренным борщом. И счастливая Любка стыдливо прячет фингал под левым глазом.

– Так, стоп. Ничего не понимаю, – мотнул головой Воронов. – Это ж хеппи-энд. А почему вы разошлись-то?

– Как оказалось, положительный эффект от физического воздействия продолжается в течение месяца, а далее все возвратилось на круги своя. В общем, подумал я, погоревал и решил завязывать с Любкой. Не мог же я ее лупить каждые тридцать дней!

– Да, бить женщину – это не дело, – согласился Андрей. – Лучше поискать более подходящую пару.

Лешка хитро улыбнулся.

– Я именно так и поступил.

– Как?

– Сейчас увидишь.

– Что увижу?

Ответить командир полка не успел – в дверь кто-то тихо постучал.

– Открыто!

Дверь скрипнула; в кабинет заглянула симпатичная девушка лет двадцати пяти.

– Разрешите?

– Заходи-заходи, – поторопил Алексей. Придвинув к накрытому столу третий стул, представил гостью: – Знакомся: Жанна – машинистка из штаба моего полка.

Увидев генеральскую форму, девушка засмушалась.

– Андрей, – привстав, кивнул Воронов.

– А можно узнать отчество? – робко спросила она.

– Давайте обойдемся без отчеств. Просто Андрей.

– Ладно, попробуем...

* * *

Жанна оказалась вполне компанейской барышней с хорошим воспитанием и отменным чувством юмора. При этом она ни на миг не забывала о субординации, а также взяла на себя роль заботливой хозяйки – соорудила из нехитрых запасов бутерброды и даже побаловала мужчин легким салатом. Одним словом, через час троица общалась так, будто знала друг друга с детских лет.

Скорее всего, застолье и дальше бы проходило с исключительно положительными эмоциями, если бы в кабинет командира полка не пожаловал еще один гость.

– Да, – недовольно отреагировал на стук Максимов.

Дверь распахнулась, и в помещение ввалился тучный офицер, в котором Воронов узнал еще одного однокашника – Бориса Соболенко.

– О, товарищ генерал! – растянул он пухлые губы. – Вас теперь только так можно величать или разрешите по старой памяти – по имени?

Не ответив на едкую шуточку, Андрей пожал его руку...

В Сызрани Борька учился в параллельном классном отделении. Предметы знал плохо, экзамены и зачеты сдавал еле-еле, летал крайне слабо. Зато был пламенным активистом, дисциплину не нарушал и, регулярно заискивая перед начальственным и преподавательским составом, все-таки сумел окончить училище, получить диплом и лейтенантские погоны. Распределившись в один из вертолетных полков, вскоре понял, что летную карьеру ему не осилить, и поэтому пошел вверх по партийно-политической линии: тащил комсомольскую организацию подразделения, вступил в партию, стал замполитом эскадрильи. В полк к Максиму прибыл уже парторгом.

– Что за праздник? – Борька без приглашения уселся за стол.

Лешка поморщился, при этом багровость его щек приобрела несколько сероватый оттенок.

– А ты разве не рад встрече с Андреем? – спросил он, прищурившись. – Не рад, что он стал генералом?

– Почему же? Рад, конечно!

– Тогда не задавай глупых вопросов. – Лешка поставил на стол еще один стакан и плеснул в него водки. – Садись, пей.

Ответ резанул по больному самолюбию. Соболенко покосился на девушку, но промолчал – Воронов с Максимовым хоть и были ровесниками, но разница в положении была огромной. Один – полковник, командовал полком и являлся непосредственным начальником. Другой и вовсе взлетел до необозримых высот. Оба – летчики-снайперы, каждый имел за плечами под тысячи боевых вылетов; у обоих на кителях не хватало места для орденов и медалей. А что представляет собой Соболенко? Кое-как стал командиром экипажа, со скрипом получил второй класс, еле дорос до майора, но на политических и партийных должностях еще чутков подрос; из-за слабой летной подготовки во время боевых действий не выполнил ни одного самостоятельного боевого вылета.

– Ладно, – поднял он стакан и подцепил на вилку шпротину из банки. – За встречу, товарищи...

* * *

Через полчаса он покинул штаб полка и направился в свой кабинет, расположенный в одном сборно-щитовом здании с дивизионом связи. Кстати, это неординарное решение – посе-

лить парторга подальше от офицеров штаба – тоже принадлежало Максиму. И тоже изрядно напрягало самолюбие Соболенко. В работе на отшибе успокаивали лишь две вещи.

Во-первых, практически никто не беспокоил. Не выпался ночью – ложись на сбитую из ящиков из-под бомб кушетку и спи хоть весь день напролет. Хочешь выпить или покушать – не проблема.

Во-вторых, радовало соседство со связистами. По просьбе парторга те наладили Соболенко закрытый канал связи с политотделом ВВС армии и членом Военного Совета.

Ввалившись в свой кабинет, Борис первым делом расстегнул пуговицы куртки и плюхнулся на стул под прохладу кондиционера.

С минуту он сидел неподвижно, взирая на противоположную стену. В преданности коммунистической партии Соболенко превзошел даже командующего ВВС 40-й армии – на стене во всю ее длину висели портреты двадцати пяти членов политбюро ЦК КПСС. Новенькие, цветные, под кристально чистым стеклом.

Очнувшись от тяжелых дум, парторг поднял трубку телефона специальной связи.

– Подполковник Соболенко, Отдельный вертолетный полк, – представился он оператору связи. – Соедините с членом Военного Совета генералом Чесноковым.

Покуда в трубке слышалось потрескивание, Борис дотянулся до пачки сигарет. Вытянув одну, щелкнул бензиновой зажигалкой и выпустил к потолку клуб сизого дыма.

Наконец, знакомый голос прогудел:

– Слушаю, генерал Чесноков.

– Здравия желаю, товарищ генерал! Подполковник Соболенко беспокоит, – выпалил парторг, забыв о дымившейся сигарете.

– Слушаю.

– У меня не очень приятные новости.

– Докладывай.

– Сегодня ближе к вечеру в кабинете командира полка произошла форменная пьянка. Среди ее участников были замечены: генерал-майор Воронов, полковник Максимов и молодая девица.

– Вот как? – заинтересованно переспросил ЧВС. – А что за девица?

– Машинистка из штаба полка – младший сержант Жанна Прохорова.

– Вы в курсе, о чем они говорили?

– К сожалению, нет.

– Что ж, благодарю за сигнал. Будем разбираться, – проговорило начальство и положило трубку.

Глава третья

ДРА; Кабул – Панджшерское ущелье

После успешной Панджшерской операции восьмидесятого года, когда части 40-й армии разбили группировку Ахмад Шаха Масуда, между противоборствующими сторонами было заключено первое перемирие. Масуд дал слово не нападать на подразделения советских и правительственных войск ДРА, а командование нашей армии пообещало артиллерийскую и авиационную поддержку Масуду в тех случаях, если у него начнутся проблемы с отрядами Исламской партии Афганистана.

Некоторое время договоренности соблюдались. Однако хитрый Ахмад Шах время зря не терял и за короткий срок возвел по всему Панджшерскому ущелью сеть фортификационных укреплений и госпиталей, собрал значительные резервы вооружений с боеприпасами и организовал разведывательную агентурную сеть. К середине следующего года численность его вооруженной группировки составила более двух тысяч человек, что соответствовало численности советского мотострелкового полка.

После этого политбюро ЦК КПСС по настоятельным просьбам руководства ДРА дало «добро» на организацию еще нескольких крупных войсковых операций в ущелье. Каждый раз результатом был временный и лишь частичный контроль над Панджшерским ущельем. Моджахеды несли большие потери, теряли единое управление и боеспособность. Однако по истечении короткого времени Масуд вновь оправлялся от поражения, формировал отряды, налаживал управление и связь.

* * *

Согласно приказу командующего, в штабе авиации 40-й армии полным ходом шла подготовка к операции в Панджшерском ущелье. Исходные условия спускались из штаба армии, а командование авиации «дробило» их для своих частей и подразделений.

Операция задумывалась масштабная, решительная и беспощадная. Разведчики добывали информацию, оперативный отдел готовил свежие карты, заместители командующего рыскали по частям, проверяя их готовность и боевой дух.

На исходе первой недели подготовки всю северо-восточную часть Афганистана «оккупировала» непогода – несколько малоподвижных циклонов, плавно сменяя друг друга, наглухо закрыли небо плотным и толстым слоем облаков. До дождей дело не доходило, но температура в горах понизилась, нижняя граница облачности и видимость под ней оставляли желать лучшего.

Подготовка из-за непогоды начала пробуксовывать, так как самолеты-разведчики в воздух больше не поднимались, а посылаемые в ущелье разведгруппы могли обследовать лишь небольшие участки, занятые неприятелем.

На одном из совещаний начальник штаба армии забил тревогу:

– Товарищ командующий, мы теряем оперативное преимущество, – сказал он, закончив очередной доклад. – Если пять дней назад мы знали о перемещении вооруженных подразделений противника практически все, то к сегодняшнему дню более семидесяти процентов всех данных об отрядах Масуда безнадежно устарели.

Командующий армии вопросительно посмотрел на Филатова. В этой ситуации могла помочь только авиация.

Филатов был в курсе возникшей проблемы. Однако, слушая начштаба армии, он морщился и нервно постукивал карандашом по раскрытому блокноту. Причин его недовольства было две.

Во-первых, отменить операцию из-за плохой погоды или перенести ее начало на другую дату он не мог. Более того, не в силах был это сделать даже сам командующий 40-й армии, ибо ему задачу ставил сам министр обороны, а тому – члены политбюро.

Во-вторых, Филатов терпеть не мог, когда кто-то выступал с критикой чего-либо, не предлагая других вариантов. «Критиковать может каждый прохожий, – считал он. – А ваша критика должна быть конструктивной: заметил ошибку – укажи на нее и придумай способ, как в следующий раз не ошибаться».

Впрочем, начальник штаба армии был тертым калачом и отлично подготовился к докладу. Заканчивая пыльную речь, он не преминул вставить способ решения проблемы.

– ...Исходя из сложившейся ситуации, – твердым голосом сказал он, аккуратно положив указку на стол, – предлагаю командующему ВВС подобрать два-три экипажа самолетов-разведчиков из числа наиболее подготовленных и выполнить четыре-шесть вылетов в район предстоящей операции.

Идея командующему армии понравилась.

Отдав соответствующие распоряжения и назначив сроки исполнения, он объявил об окончании совещания.

* * *

– Что скажете, Андрей Николаевич? – спросил в коридоре Филатов.

Следуя рядом с шефом, Воронов задумался...

В принципе, летать в такую погоду руководящие документы не запрещали. Другой вопрос: как летать? Если в районе аэродрома видимость позволяла, – взлетай, набирай по «коробочке» безопасный эшелон, отваливай в нужную сторону и чеши по запланированному маршруту, используя радионавигацию. Но при этом ты окажешься либо в облаках, либо выше их. А разведчику необходимо было пройти над ущельем в условиях визуальной видимости земной поверхности, иначе терялся смысл его работы. Только вот как пройти в ущелье, если нижний край облачности скрывал верхушки хребтов, а в воздухе едва ли не постоянно висела пыльная пелена, поднимавшаяся на высоту до полутора километров?

Все эти за и против Воронов прокрутил в голове за полторы секунды, пока несколько генералов-авиаторов шли по коридору в свои владения.

– Так как, по-вашему, Андрей Николаевич, найдем мы летчиков, готовых слетать к юго-западным «воротам» ущелья и подсмотреть дислокацию передовых отрядов Масуда? – облек свой вопрос в более конкретную форму Филатов.

– Уверен, мы справимся с поставленной задачей, товарищ командующий, – ответил Андрей. И добавил: – Но при одном обязательном условии.

– При каком же?

– Полететь на разведку должен я.

На некоторое время в мрачной прохладе коридора стало тихо. Почти все заместители Филатова были в курсе недавнего разноса, который командарм устроил Воронову за так называемую «самодеятельность» с полетом в зону боевых действий. И вот молодой генерал снова за свое.

Однако на этот раз Филатов не вспылал и даже не возразил. Пожевав губами, он объявил:

– Все по рабочим местам – занимаемся подготовкой операции. А генерала Воронова прошу зайти в мой кабинет...

* * *

– Хотел бы услышать внятное объяснение, – проговорил Филатов, усаживаясь в свое кресло. Судя по тону, он был на взводе и мог в любую секунду сорваться. – Что это еще за странное условие с вашей стороны?

– На самом деле, это не условие, товарищ командующий, – спокойно сказал Воронов.

– А что же?

– Единственный способ для нас с вами оградить себя от неприятностей.

– Ну-ка присаживайся и расскажи потолковее. А то я что-то не понимаю этих... твоих намеков.

Воронов сел поближе к столу командующего и поставил на колени подарок супруги – тонкий кожаный портфель.

– Я всегда таскаю в нем, товарищ командующий, – кивнул он на портфель, – сборники основных руководящих документов, регламентирующих летную работу. Да, сейчас в Афганистане идет война, и порой на многие нарушения этих документов приходится закрывать глаза. На многие, но не на те, которые касаются безопасности полетов.

– Зачем ты мне это говоришь? Многие документы я помню наизусть. – Филатов достал из пачки «беломорину». – В нового Чкалова играешь? Но документы документами, а приказа из Москвы никто не отменит. Это ты понимаешь?

– Понимаю, товарищ командующий. Если обстоятельства вынуждают нас провести воздушную разведку в таких метеоусловиях, то выполнить ее должен кто-то из нас. Вы, к сожалению, в силу возраста и здоровья уже не летаете.

Филатов на этих словах громко крикнул и вполголоса матюкнулся. Однако Воронов и бровью не повел, продолжил:

– А я ваш первый заместитель, поэтому и предложил себя в качестве пилота самолета-разведчика. Сам я полететь смогу, а отправить на верную гибель кого-то другого – увольте.

Воронов говорил настолько уверенно и спокойно, что Филатов невольно смягчил первоначальный настрой.

– Что обещают метеорологи? – спросил он, чиркнув спичкой и подпалив папиросу.

– Сплошная облачность с рваным нижним краем. Видимость под облаками – пятьсот метров, местами и того хуже.

Выпустив клуб дыма, командующий почесал затылок.

– Да-а... давненько тут такого не было. Надо же, как некстати принесло эти циклоны... Ну, а сам-то сумеешь? Условия ведь и впрямь сложные.

– Постараюсь. Куда деваться? Вы же сами говорите, что приказ о начале операции никто не отменит.

– Вот именно, что никто. Ладно, принимаю твое предложение. Теперь слушай внимательно. Самый главный вопрос, который сейчас интересует штаб армии: знают ли моджахеды о готовящейся операции против них. Как это выяснить? Просто. Если в районе юго-западного входа в ущелье нет никакого движения и дежурят обычные отряды охраны, значит, Масуд пока не в курсе, и нам нужно бросить основные силы в глубь ущелья. Если охранение усилено дополнительными отрядами, то дело плохо. Уяснил?

– Так точно.

– Ну, если задача ясна – иди готовься к вылету.

– Понял, товарищ командующий, – повеселел Воронов и поднялся. – Благодарю за доверие.

* * *

Из самолетов Воронов успел неплохо освоить три типа: «МиГ-21», «Су-17» и «Су-25». Первые два имели слишком большую скорость – маневрировать на них в горных теснинах ущелий было практически невозможно. Дозвуковой штурмовик «Су-25» для этой цели подходил гораздо больше. А идеальным вариантом при плохой видимости под облаками, конечно же, являлся вертолет. С его маневренностью и небольшой скоростью шанс размазаться по склону ущелья стремился к нулю. Но при этом резко возрастала вероятность заполучить в двигатель ракету переносного зенитного комплекса.

В общем, подумать было над чем. И пока «уазик» с сопровождавшим его бэтээром резво бежал в сторону военного аэродрома, Воронов размышлял...

* * *

Помещение, где предстояло сменить полевую форму на летный комбинезон, напоминало барак или казарму в сборно-щитовом доме. С одной стороны все как положено: длинный ряд шкафчиков с номерами на дверцах, в метре – одинаковые скамейки. А напротив – у стены с квадратными окнами – несусветный бардак из нагромождения двухъярусных кроватей, столов, табуреток, тумбочек...

– Палаток не хватает, товарищ генерал, – заметив удивленный взгляд начальства, пролепетал заместитель командира полка. Он сопровождал Воронова по аэродрому, а заодно тащил укороченный автомат с «разгрузкой». – Когда прибывает молодое пополнение, приходится размещать здесь.

Похоже, помещение использовалось постоянно, так как на табуретах и спинках кроватей были развешены портянки с носками. Запах стоял еще тот. Конвенция о запрете боевых отравляющих веществ сюда явно не дошла.

– Вот свободный шкафчик, – суетливо открыл дверцу подполковник.

Воронов поставил на лавку небольшую сумку с комбинезоном и кивнул подполковнику:

– Благодарю. Вы свободны.

Тот повестил на крючок шкафчика «АКС-74У» с жилетом и исчез в полумраке коридора.

Андрей не спеша начал переодеваться...

* * *

Тщательно проанализировав ситуацию по дороге из штаба на аэродром, он остановил свой выбор на «Су-25». Двадцать первый «мигарь» и семнадцатая «сушка» создавались для применения на европейском ТВД, их результативность и эффективность в горной местности Афганистана оставляли желать лучшего. Штурмовик – совсем другое дело. Приемлемая скорость для ведения воздушной разведки и маневрирования в ограниченном пространстве ущелья, хорошая управляемость, бронирование, мощное вооружение, надежность, невероятная живучесть. Наличие всех этих факторов и разрешило трудный выбор в пользу «Су-25» – «конька-горбунка», как любовно называли его летчики.

Инженерно-технический состав довольно быстро подготовил машину к вылету: полностью заправил топливом, зарядил оружие, проверил фотооборудование. От подвесных баков «ПТБ800» командир экипажа категорически отказался. «Во-первых, – считал он, – топлива во внутренних баках и так с лихвой достаточно, чтобы выполнить задачу, забраться на безопасную высоту, дойти до любого из ближайших аэродромов и выполнить несколько заходов по

приборам. Во-вторых, на тяжелом самолете будет труднее маневрировать. А маневренность сегодня мне ох, как пригодится».

Время Воронов зря не терял. Поменяв полевую форму на летную, он надел поверх нее разгрузочный жилет с четырьмя магазинами к автомату, четырьмя гранатами РГО, двумя сигнальными патронами и прочими полезными штучками. Вместо табельного «ПМ» он всегда брал на вылеты «АПС» с двумя запасными магазинами. В предыдущих командировках этот громоздкий, но мощный и надежный пистолет дважды спасал ему жизнь.

Завершив с облачением, генерал зашел в соседнее помещение, где летный состав получал информацию на предполетных указаниях.

– Товарищи офицеры, – поприветствовал он поднявшихся специалистов.

Усевшись за ближайший к доске стол, Воронов положил на него полетную карту района и небольшой наколенный планшет.

– Не будем терять время, приступим, – он засучил рукав куртки комбинезона.

К генералу тут же подсел начальник медицинской службы полка и принялся измерять давление.

Первым поднялся заместитель командира полка по инженерно-авиационной службе.

– Самолет полностью заправлен, снаряжен и готов к полету, – доложил он.

Присутствовавший комполка кивнул следующему. К висевшей на школьной доске синоптической карте подошел метеоролог.

– К сожалению, товарищ генерал, фактическая погода в районе Панджшерского ущелья на пределе. Над юго-западным входом в ущелье ее определяет мощный малоподвижный циклон с центром восточнее Кандагара, – сказал он, ткнув указкой в карту. – Облачность десятибалльная. Нижний край рваный, по последним данным – от семидесяти до ста пятидесяти метров. Видимость под облаками не превышает километра. Ветерок северо-восточный, слабый – три-четыре метра в секунду. Давление – семьсот двадцать восемь миллиметров ртутного столба. Температура – плюс двадцать шесть. Влажность – сорок восемь процентов. Прогноз на ближайшие два часа такой же, за исключением...

Запоминая информацию, Воронов одновременно представлял погруженную в облака каменную «кишку» и мысленно прокручивал порядок выполнения задания.

«Это будет непросто. Совсем непросто», – незаметно вздохнул он, когда синоптик закончил доклад и застыл с указкой в руках в ожидании возможных вопросов.

– Благодарю. Вопросов нет, – сказал заместитель командующего.

Командир полка подтолкнул следующего докладчика.

Следующим к доске вышел начальник связи и принялся называть радиочастоты, а также номера основных и запасных каналов. Доктор тем временем закончил измерения давления и пульса, сделал отметку в своем журнале и исчез.

После связиста коротко выступил старший штурман, доложив обстановку в районе предстоящей работы самолета-разведчика, дал отсчет точного времени.

В заключение слово взял командир полка – подтянутый сорокалетний полковник, которого Воронов давно и неплохо знал.

– Андрей Николаевич, после выполнения задания можете набирать высоту и возвращаться на точку в облаках – радиотехническое оборудование проверено и будет в полной готовности к заходу по глиссаде при минимуме погоды.

– Понял. Всем спасибо, – поднялся Воронов. Глянув на часы, напомнил: – Вылет через двадцать минут.

Когда он подходил к выходу из домика, сзади окликнули:

– Товарищ генерал, вас командующий по закрытому каналу!

Пришлось заглянуть в помещение к связистам.

– Да, товарищ командующий, Воронов на связи, – сказал он в микрофон.

- Как прошла подготовка?
- Нормально, в полном объеме. Техника в порядке; только что закончились предполетные указания.
- Понятно, – прогудел динамик голосом Филатова. – Удачи.

* * *

Вырулив и остановившись на исполнительном старте, Андрей еще раз посмотрел вверх. Рваные клочковатые облака проплывали так низко, что порой казалось, будто их можно достать рукой.

– Осторожность и еще раз осторожность, – прошептал он и нажал кнопку «радио»: – Сокол, Семьсот первый карту выполнил, к взлету готов.

– Семьсот первый, ветер встречный – четыре метра. Взлет разрешаю, – ответил руководитель полетов.

Выведя двигатели на взлетный режим, Воронов отпустил тормоза и начал разбег по бетонке...

Да, полет предстоял чрезвычайно сложный, и осторожность действительно требовалась – от взлета до окончания выполнения задания. Главное, не вляпаться в облака, иначе придется резко уходить вверх и возвращаться домой по приборам.

Набрав необходимую скорость, самолет оторвался от ВПП и сразу же начал плавный разворот в сторону Панджшерского ущелья.

А по магистральной рулежной полосе к предварительному старту уже резво ехал «Ан-26». Во время выполнения генералом Вороновым воздушной разведки он должен был кружить над аэродромом на высоте две тысячи четыреста метров, выполняя функцию ретранслятора.

* * *

Машина прекрасно слушалась рулей благодаря отсутствию подвесных топливных баков, но всю «прелесть» погоды Андрей ощутил сразу же, едва колеса оторвались от бетонки.

Да, «Су-25» являлся дозвуковым самолетом, чья максимальная скорость у земли не превышала девятисот семидесяти пяти километров в час. Летавших на этих штурмовиках летчиков даже лишили прибавки к окладам и «сверхзвуковых» пайков. Не положено. Будто на их рабочих скоростях меньше перегрузок и прочих проблем.

Однако когда видимость не превышала одного километра, не спасала и минимальная скорость в триста километров в час. Видимая поверхность земли с ориентирами и естественными препятствиями в виде холмов возникала из белесой пелены и приближалась по курсу полета слишком быстро. Взгляд был буквально прикован к переднему сектору, поглядывать на приборы и на полетную карту у Андрея не получалось. Благо он неплохо знал район и подходы к юго-западным «воротам» Панджшерского ущелья.

Спустя пару минут в эфир прорвался доклад командира «Ан-26»:

– Семьсот первый, Сто двадцать второй взлет произвел. Шестьсот метров, в наборе. К работе готов.

– Понял, Сто двадцать второй. Прибытие в район работы доложу, – откликнулся Воронов.

– Вас понял...

Наконец, впереди показалась ровная долина с зеленевшими прямоугольниками обработанной земли вперемешку с крестьянскими домишками. Долина была ровной, словно теннисный стол. Лишь посередине с севера на юг петляли русла трех мелких речушек.

Андрей уменьшил высоту до минимальной и подкорректировал курс.

– Держимся крайней правой, – проговорил он.

Правая река была самой полноводной и называлась Панджшер. К тому же оба ее песчаных берега заметно выделялись на фоне бескрайней «зеленки». Здесь что-то перепутать и заблудиться мог разве что молодой неопытный пилот. Радовало Воронова и то, что в Афганистане были большой редкостью искусственные препятствия в виде вышек, заводских труб, линий электропередачи. Их здесь бояться не стоило.

Он уверенно вел самолет по-над речкой в ожидании главного ориентира...

* * *

В районе так называемых «ворот» в Панджшерское ущелье Воронову доводилось бывать неоднократно.

Впервые это случилось в апреле восьмидесятого года во время первой операции против крупных сил Ахмада Шаха Масуда. Тогда Отдельной эскадрилье Воронова пришлось оказывать огневую поддержку ребятам из 4-го десантно-штурмового батальона 56-й ОДШБр. Сколько ему пришлось на бреющем под ураганным огнем уютить ущелье – он сейчас и не вспомнил бы.

Вторично судьба забросила Андрея в ущелье в мае 1982-го. Той весной по настоятельным просьбам руководства ДРА грянула вторая по счету операция по зачистке протяженного района. И вновь ему пришлось изрядно попотеть, высаживая тактические группы десантников на господствующие высоты душманского логова.

Как выглядят юго-западные «ворота» в ущелье, он отлично помнил и был уверен, что за прошедшие годы они ничуть не изменились. Дальше к северу долина сужалась до обычной поймы равнинной реки, вдоль которой и летел штурмовик. Пойма упиралась в четыре приблизительно равных по высоте горных отрога, расходящихся веером на север, северо-восток и восток. Панджшерское ущелье начиналось между вторым и третьим отрогами.

Вот здесь важно было не ошибиться. И не промахнуться, идя на довольно приличной скорости.

* * *

– Подхожу, – заметил Андрей впереди сходящиеся края равнины.

Через пару секунд слева между обрывками нижнего края облаков промелькнул светло-бежевый пологий склон. И сразу же справа от поймы пилот заметил повышение рельефа с многочисленными домишками местных дехкан.

– Теперь чуть-чуть вправо, – скомандовал он сам себе, отклоняя ручку управления.

Самолет послушно изменил курс.

Первый отрог остался позади. Вместо него и снова левее линии пути вырос следующий холм. Его склоны были настолько круты, что уходили вверх почти вертикально и исчезали в густой облачности. Русло реки плавно огибало его основание.

Глядя на открывшееся впереди по курсу ущелье, Воронов зачарованно прошептал:

– «Ворота». Вот они, черт бы их побрал...

Самолет летел на шестидесяти метрах истинной высоты. Стрелка указателя скорости застыла аккурат на делении между тройкой и четверкой, что соответствовало трехсот пятидесяти километрам в час.

– Сто двадцать второй – Семьсот первому, – позвал Андрей, когда слева и справа начали мелькать морщины склонов.

– Отвечаю Семьсот первому, – сразу ответил командир «Ан-26».

- Прибыл в район. Приступаю к работе.
- Понял вас. Готов к ретрансляции.

* * *

Совместно с командующим во время их последней доверительной беседы они пытались проработать маршрут полета самолета-разведчика. Филатов тогда пробасил:

– Достаточно долететь до кишлака Тавах. Это целых четырнадцать километров! Если заметишь на данном отрезке движение банд – все сразу станет ясно.

Воронов не спорил. По сути, командующий был прав, но, не зная всех особенностей летной работы, он упускал многие важные вещи. Рассматривая подробную карту, Андрей отлично понимал, что если за первый проход не получится выявить дислокацию противника и потребуются повторный проход, в районе кишлака Тавах его «Грач» под облаками развернуться не сможет. Просто не хватит ширины ущелья. Гораздо проще будет пролететь еще десяток километров до селения Руха, расположенного в широкой долине. Там можно будет выделять любые виражи и развороты.

Включив фотоаппаратуру, Воронов удерживал самолет точно над рекой и крутил головой, осматривая каменистые склоны.

Вот слева и чуть ниже промелькнула пулеметная точка с десятком душманов. Из-за выложенного большими камнями бруствера торчал ствол крупнокалиберного «ДШК», а рядом с укреплением в растерянности стояли воины Аллаха. Вероятно, появление в ущелье в такую погоду самолета стало для них полной неожиданностью.

Через секунду на противоположном склоне Андрей заметил вторую точку. Она располагалась выше и частично была закрыта клочками облаков.

«Эти ребята с пулеметами охраняют «ворота» от вертолетов, – догадался он. И припомнил то, что много раз видел, пролетая над здешними хребтами в хорошую погоду: – А на вершинах обоих горных отрогов по всем правилам обустроены оборонительные сооружения: разветвленная сеть окопов, блиндажи, огневые точки...»

Но сейчас все это закрывала сплошная облачность, и разведчика больше интересовало то, что творилось в самом низу – на дне ущелья. Посему, оставив в покое склоны, он принялся рассматривать грунтовую дорогу, проложенную по левую сторону реки.

* * *

– Сто двадцать второй – Семьсот первому.

– Сто двадцать второй на связи.

– Передай Соколу: наблюдаю пешую группу численностью около полусотни человек с легким стрелковым вооружением. Двигаются по грунтовке от кишлака Тавах в сторону «ворот». Как понял?

– Семьсот первый, вас понял: группа численностью до полусотни человек с легким вооружением движется от кишлака Тавах в сторону «ворот».

– Все верно. Продолжаю задание...

В самом кишлаке Тавах Воронов также заметил некоторое оживление.

Во-первых, на грунтовке, пересекавшей кишлак и, по сути, являвшейся его единственной улицей, стояло несколько подозрительных автомобилей. Грузовик, наш потрепанный «уазик» без брезентовой крыши и пара пикапов. Для нищих афганских селений такое скопление техники всегда было чем-то необычным. Возле машин стояли полтора десятка мужчин, почти каждый держал в руках автомат или винтовку.

Во-вторых, в узеньких переулках и дворах тоже наблюдалось необъяснимое движение. Словно весь сельский люд одновременно вышел из домов.

Об этом наблюдении Воронов также передал через ретранслятор Соколу.

Ну, а потом настала пора принимать решение: либо прекращать задание, нырять в облака и возвращаться на базу; либо долететь до Руха, развернуться и пройти над ущельем еще раз.

На раздумье у генерала ушла секунда. Он сам принимал участие в разработке плана операции и прекрасно знал, что наступление наших и правительственных войск докатится до более глубоких районов ущелья. А значит, неплохо было бы иметь информацию и о том, что происходит дальше к северо-востоку.

Зацепив нижний край облака и немного подвернув к северу, самолет помчался к следующему горному селению...

* * *

Между двумя населенными пунктами пилот самолета-разведчика обнаружил еще один вооруженный отряд, двигавшийся в том же юго-западном направлении. Его численность, по оценкам Андрея, достигала сотни моджахедов. И снова в эфир полетел доклад о передислокации противника...

И вот впереди показалась широкая долина сочно-зеленого цвета. Вся она состояла из переплетения обработанных полей и крестьянских жилищ. Посередине долины, разрезая ее вдоль, бежала светло-желтая нитка грунтовки. Каждая группа домишек являлась самостоятельным селением и имела собственное название. Однако на всех подробных картах 40-й армии данный оазис, расположенный среди безжизненных гор, обозначался единым названием – Руха.

И здесь дорога была заполнена разрозненными отрядами пеших моджахедов, идущих на юго-запад. Среди них Воронов заметил и несколько десятков мулов, нагруженных непонятными длинными «свертками».

– Что это они перевозят? – прижавшись к правому склону, летчик заложил левый крен.

Взгляд во время разворота метался от высотомера к командно-пилотажному прибору, от указателя скорости к нижней границе облаков, от пыльной грунтовки к навигационно-плановому прибору. Вначале он хотел, дойдя до Руха, сразу уйти в облака. Заметив мулов, решил рассмотреть их груз на вираже и только после этого закончить задание.

– Вывод, – вывел Андрей самолет из виража. Затем выпустил несколько ложных тепловых целей и потянул ручку на себя: – Теперь вверх и домой...

Судя по форме «свертков», это были безоткатные орудия китайского, пакистанского или американского производства. Довольно эффективные штуковины для поражения бронетехники, огневых точек и живой силы. Разместить такие на склонах, и по дну ущелья не пройдет ни один танк, ни один бэтэр, ни одно подразделение пехоты.

– Сто двадцать второй, ответь Семьсот первому, – позвал Воронов.

– Сто двадцать второй на связи, – мгновенно ответил командир «Ан-26».

– Передай: в долине кишлака Руха наблюдаюдвигающиеся на юго-запад пешие отряды численностью до полутора сотен бойцов. В том же направлении моджахеды гонят двадцать пять – тридцать мулов с замаскированными безоткатными орудиями и боеприпасами для них.

– Вас понял, Семьсот первый. Передаю...

Конец фразы Андрей не расслышал, так как слева и снизу послышался громкий хлопок. Самолет дернулся, расположенные в верхней части приборной панели сигнальные табло дружно заморгали красными огоньками.

* * *

Пуска ракеты с инфракрасной головкой самонаведения Воронов не видел. Да, признаться, и не ожидал.

Имея за плечами богатейший опыт полетов над горным Афганистаном, он хорошо знал, что от момента обнаружения цели до пуска ракеты расчету ПЗРК требуется некоторое время. Когда самолет-разведчик прошел сквозь «ворота» ущелья, дозоры наверняка доложили о нем постам душманской ПВО, но те попросту не успели подготовиться и встретить его залпами. Именно поэтому Воронову не хотелось возвращаться тем же маршрутом для повторного осмотра ущелья. Там его наверняка уже ждали, и пришлось бы продираться сквозь шквал огня. Его замысел состоял в другом: пролет над ущельем до Руха и моментальный уход в облака.

Не получилось. Один из расчетов успел привести в готовность свой переносной комплекс, прицелиться и выпустить ракету по цели.

Взрыв боевой части произошел под левым двигателем в тот момент, когда Грач, находясь в облачности, набирал высоту.

Матюгнувшись, Андрей посмотрел на приборы, оценивая возможность дальнейшей работы левого двигателя. Мало ли... вдруг осколки не повредили важнейшие узлы и магистрали?..

Увы, чуда не случилось. Обороты падали, давление масла резко снизилось, сработала сигнализация пожара.

Воронов перекрыл подачу топлива в искалеченный двигатель, включил первую очередь противопожарной системы и одновременно выровнял самолет, дабы не лишиться и без того небольшой скорости.

Даже невзирая на относительно прохладную для Афганистана погоду, выведенный на взлетный режим правый двигатель тянул только горизонтальный полет. Стоило Андрею потянуть ручку на себя, как стрелка указателя скорости начинала ползти по шкале в сторону нуля.

Оценив создавшееся положение, генерал глянул на карту, подвернул в сторону наименее высокого рельефа и сокрушенно покачал головой...

Долина с селением Руха была зажата в ущелье на высоте тысяча девятьсот – тысяча девятьсот шестьдесят метров над уровнем моря. Соответственно, штурмовик выдерживал высоту на пятьдесят-семьдесят метров больше. Закончив задание, он устремился вверх и успел достичь двух тысяч трехсот метров, где его и настигла ракета. Окружавшие долину горные хребты были гораздо выше – некоторые из них дотягивались до трех тысяч метров. Так что продолжать полет по приборам было бессмысленно, а снижаться вслепую, в надежде отыскать ущелье, чтобы пройти по нему до долины, – смертельно опасно.

– Сто двадцать второй, ответь Семьсот первому, – позвал Воронов.

– Сто двадцать второй на связи.

– Передай на базу: при завершении задания поймал в левый двигатель ракету. Высота – две триста. Прошел от Руха курсом двести двадцать градусов полторы минуты. Принял решение катапультироваться. Как понял?

– Вас понял, – встревоженным голосом ответил командир «Ан-26». – Передаю...

Глава четвертая

ДРА; Кабул

Через несколько минут после того, как оперативному дежурному по штабу ВВС 40-й армии поступило сообщение о ракетной атаке над Панджшерским ущельем, Филатов собрал в кабинете заместителей и поставил задачу начать поисково-спасательную операцию.

Все вокруг пришло в движение. Оперативный отдел быстро готовил карты нужного района; начальник штаба приказал поднять в воздух три пары вертолетов, а также подготовить к отправке в предполагаемый район падения самолета две поисковые группы.

Да, к сожалению, на войне частенько происходят трагичные случайности. С одной стороны, люди к ним привыкают. С другой – в такие неординарные моменты мобилизуют все свои возможности и начинают соображать и действовать быстрее. Вот и на сей раз работа по организации поисково-спасательной операции была выполнена молниеносно.

Когда начальник штаба ВВС доложил Филатову, что операция начата, в дверь кабинета командующего заглянул член военного совета генерал-майор Чесноков.

– Вы позволите? – спросил он скорее для порядка и, не дожидаясь разрешения, вошел. За ним бесшумной тенью проскользнул парторг Соболенко.

Филатов кивнул Афанасьеву.

– Благодарю за оперативность. Держите меня в курсе.

– Понял, Леонид Егорович. Разрешите идти?

– Да, конечно.

Начштаба вышел из кабинета, плотно прикрыв за собой дверь.

Командующий устало посмотрел на политработников.

– У вас какое-то срочное дело?

– Срочнее не может быть, – отчеканил Чесноков.

– Что ж, слушаю вас, – потянулся он за графином с водой.

– У нас, Леонид Егорович, есть все основания подозревать, что генерал Воронов ввел всех нас в заблуждение.

Не понимая, о чем речь, командующий нахмурил брови и плеснул в стакан воды.

– Это каким же образом?

– Довольно простым. Я не исключаю того, что к данному часу, – ЧВС демонстративно поглядел на циферблат наручных часов, – он заходит на посадку на одном из пакистанских аэродромов.

Едва не поперхнувшись водой, Филатов поднял изумленный взгляд.

– Вообще-то для таких серьезных обвинений неплохо бы иметь столь же серьезные основания, – сказал он.

– У нас имеются основания полагать, что моральный облик генерала Воронова находится, мягко говоря, не на высоте, – переглянулся с парторгом член военного совета. И ободряюще кивнул: – Рассказывайте, майор...

* * *

Чесноков был старше Воронова на добрый десяток лет, да и знали они друг друга давненько. Знакомство состоялось в том самом далеком сибирском гарнизоне, куда Андрей попал по распределению после окончания Сызранского училища. Тогда майор Чесноков служил в том же вертолетном полку на должности парторга. Вид он всегда имел respectable:

чистенький мундирчик, всегда выбритое лицо, ровно подстриженные тонкие усики; речь грамотная, говор то ли донской, то ли восточно-украинский.

В какой-то момент молодой лейтенант ощутил повышенное внимание к себе со стороны прожженного партработника. Завидев Воронова на гарнизонной улочке, тот едва ли не вприпрыжку бежал навстречу, широко улыбался, первым тянул руку, горячо приветствовал, с искренним (как поначалу казалось) интересом расспрашивал о ходе летной подготовки, о живших в Поволжье родителях, о семье...

Так продолжалось ровно до тех пор, пока не прошло партийное собрание, на котором Андрея Воронова приняли кандидатом в члены КПСС. После этого Чеснокова будто подменили: руки больше не подавал, о полетах и родителях не расспрашивал и вообще перестал замечать.

Тут-то до лейтенанта и дошло: выискивая среди недавно прибывших в полк офицеров наиболее толковых и дисциплинированных молодых людей, парторг элементарно выполнял спущенный сверху план по принятию в партию новых членов. Поняв, что его использовали, Воронов возненавидел Чеснокова. В те годы он наивно верил в неизбежную победу мировой революции, в кристальную честность каждого коммуниста, в справедливую власть и прочие постулаты. Тем отвратительнее ему казалось поведение парторга. И однажды он, не стерпев, высказал все, что о нем думал. В результате на долгие годы нажил себе серьезного врага.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.